

ОТРАЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. Ф. ВЕЛЬТМАНА

История взаимоотношений Вельтмана и Пушкина известна довольно хорошо. Вельтмана по праву называют среди близких знакомых поэта, отрывки из его «Воспоминаний о Бессарабии» включаются в сборники «Пушкин в воспоминаниях современников», основные моменты знакомства освещены в целом ряде работ¹.

Гораздо меньшее внимание привлекает то, каким образом воспринимал Вельтман творчество Пушкина. Даже обратный процесс, т. е. отношение Пушкина к творчеству Вельтмана, изучено гораздо подробнее. Хорошо известно, что Пушкин, познакомившись с Вельтманом в Кишиневе, внимательно следил за работой писателя: он тепло отзывался о романе «Странник», собирался писать о нем статью, возражал против несправедливых нападок на роман, появившихся в «Литературной газете». Известно также, что в библиотеке Пушкина хранилось несколько книг Вельтмана, что именно Пушкину присылает Вельтман свой поэтический перевод «Слова о полку Игореве», на экземпляре которого Пушкиным было сделано около 20 пометок².

Отношение Вельтмана к Пушкину основывалось на безусловном признании гениальности поэта, величия его дара. Не случайно на одной из книг, подаренной Пушкину, Вельтман делает надпись: «Первому поэту России от сочинителя»³. Это вызвало и ту нерешительность, в общем-то, вовсе не свойственную писателю, с которой он приступает к публикации воспоминаний о Пушкине. Работу над ними Вельтман начинает сразу после получения известия о гибели поэта. Первая часть вскоре была закончена. Но автор долго колебался, прежде чем решился опубликовать ее в пушкинском журнале. В это время он писал М. П. Погодину: «Я никак не отказываюсь принести малую жертву от крох моих тени любимого поэта, но еще не успел ничего сделать доброго и достойного помещения в «Современнике»⁴. Все же, именно в этом журнале «Воспоминания о Бессарабии» появляются.

¹ Акутин Ю. М. Александр Вельтман и его роман «Странник» // Вельтман А. Ф. Странник. — М., 1977. — С. 254.

² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е. — Л. — С. 63—64.

³ Там же.

Вельтмановское восприятие Пушкина, однако, плохо укладывалось в привычные схемы мемуаристики, и поэтому отношение к «Воспоминаниям о Бессарабии» долгое время оставалось весьма двойственным. После смерти автора текст воспоминаний оказывается среди других бумаг, переданных его дочерью в Румянцевский музей. Там их обнаружила и частично опубликовала Е. Некрасова⁵. Но, как отметил позднее Л. Н. Майков, тенденциозность и односторонность в подходе к ним привели к тому, что «по ним составилось мнение, что рассказы Вельтмана о Пушкине имеют лишь незначительный интерес исключительно анекдотического свойства»⁶. Сам Майков, предпринявший почти полную публикацию «Воспоминаний», был о них совершенно другого мнения: «Ближайшее знакомство с рукописью Вельтмана, — писал он, — убедило нас в том, что при составлении из нее извлечений была упущена основная мысль, руководившая автором, когда он писал свои «Воспоминания». По мнению исследователя, вставляя рассказы о Пушкине в пространный очерк бессарабской жизни, Вельтман стремился пояснить то влияние, которое оказали на поэта и самый край, и условия тамошней жизни»⁷.

Майков тонко почувствовал необычность «Воспоминаний о Бессарабии» и в тематическом, и в жанровом, и в композиционном отношении. Он воспринял их как художественно-биографическое повествование и поэтому насыщенность историческим, географическим, этнографическим, бытовым материалом текста, столь смущавшая ранее обращавшихся к «Воспоминаниям», рассматривалась им как несомненное достоинство этого необычного создания. Майков сумел увидеть единство довольно причудливого повествования и оценить адекватность воплощения в нем авторского замысла, четкую соотнесенность отдельных частей: «В своей статье, — заключает исследователь, — Вельтман, кроме прямых сведений о Пушкине, дает прекрасное изображение бессарабской природы, сообщает много занимательных подробностей о разнообразном составе и быте местного населения и рассказывает о той попытке к освобождению греков из-под турецкого ига, которая известна под названием етерии. Много из того, о чем говорит автор «Воспоминаний», обращало на себя внимание и Пушкина, и если не возбуждало в нем, как в Вельтмане, ученой пытливости, зато действовало на его воображение, так или иначе питало его творчество. Эту таинственную связь между личностью поэта и краем, куда он попал, Вельтман угадал с большою проницательностью, а потому именно взятая в целом, его статья представляет

⁴ «Литературное наследство». — Т. 58. — М., 1952. — С. 145.

⁵ Некрасова Е. Из воспоминаний Вельтмана о времени пребывания Пушкина в Кишиневе//Вестник Европы. — 1881. — Кн. 32. — С. 217—234.

⁶ Майков Л. Н. Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным//Русский вестник. — 1893. — Кн. 12. — С. 10.

⁷ Майков Л. Н. Там же.

хороший материал для истории жизни и творчества Пушкина в период его пребывания в Кишиневе»⁸.

Майковский подход к «Воспоминаниям» Вельтмана принципиален, потому что обнажает одно из важнейших свойств творческого метода писателя — обращение к проблеме, теме «по касательной», стремление и умение перевести их в иной, неожиданный план.

Логично предположить, что подобный подход был свойственен не только при работе над воспоминаниями о Пушкине, но и, в определенной мере, при освоении его творчества. Действительно, интерес к Пушкину у Вельтмана не ограничивался преклонением перед его талантом и личной доброжелательностью. В отношении к пушкинскому художественному наследию Вельтман оказывается столь же неординарен, как и в отношении к личности поэта. Современники вспоминали, что при знакомстве Пушкина и Вельтмана в Кишиневе между ними довольно часто возникали споры, во время которых Вельтман настойчиво защищал свою точку зрения⁹.

Со временем эти споры перешли на другой уровень — воплотились в творческих замыслах Вельтмана. Наиболее яркий и известный пример в этом роде — попытка продолжить пушкинскую «Русалку»¹⁰. Но есть и целый ряд гораздо менее явных, скрытых в текстах романов, случаев творческой полемики с Пушкиным.

В этом отношении особенно выделяется роман Вельтмана «Кощей бессмертный. Былина старого времени» (1833). Внешне ситуация романа, казалось бы, вовсе не давала повода к подобной полемике. Действие перенесено в глубокую древность, полуреальный-полусказочный сюжет, насыщенный побочными ходами, частая смена повествователей, постоянные мистификации читателя — все это кажется ужасно далеким от поэтики и проблематики пушкинской прозы. Но в этом-то и проявляется специфика решения Вельтманом интересовавших его задач. Некоторые ситуации этого насквозь полемического романа явно имели своего конкретного адресата.

В «Воспоминаниях о Бессарабии» Вельтман довольно подробно повествует о местном населении, его обычаях. Значительное место уделяется описанию и нравов, происхождения цыган. Заключается оно интересным выводом: «Между девами-цыганками, живущими в доме, можно найти Земфиреску или Земфиру, которую воспел Пушкин, и которая, в свою очередь, поет молдавскую песню <...> Но посреди таборов нет Земфиры»¹¹.

⁸ Майков Л. Н. Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным. — С. 10—11.

⁹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников. — М., 1950. — С. 252.

¹⁰ Долгов С. А. Ф. Вельтман и его план окончания «Русалки» Пушкина. — М., 1897.

¹¹ Вельтман А. Воспоминания о Бессарабии // Русский вестник. — Кн. 12. — С. 115—116.

Думается, в своеобразной форме спор с пушкинскими «Цыганами» был продолжен Вельтманом и в романе «Кошей бессмертный». В нем есть вставной эпизод, сложно и опосредованно соотношенный с основным сюжетом. Суть его в следующем: Гайдук Младень похитил прекрасную Мильцу. Но счастье их было недолгим. Вскоре Младень встречает юную гречанку и просит своих товарищей помочь добыть ее. Мильца в отчаянии и пытается покончить с собой, бросившись в пропасть, но чудом остается жива.

Эта подчеркнута романтическая ситуация в своей основе имеет тот же конфликт, что и пушкинские «Цыганы» — право человека на свободу чувства. Младень объясняет вспыхнувшее чувство: «Душа добудет славу, хочет другой... так и сердце, Мильца»¹². Затем, после чудесного спасения Мильцы, он говорит ей: «Мы были свободны, будем же и всегда свободны!» Мильца принимает такую форму свободы, она лишь требует подобной свободы и для себя, свободы решить, жить или умереть: «Не хочу с тобою розмирья!.. Люби другую!.. Но дай и мне волю»¹³.

Тем самым ситуация «Цыган» оказывается переосмыслена: происходит не столкновение двух систем ценностей, нравственных представлений двух миров, индивидуализма, ищущего свободы, и подлинной свободы, не признающей ограничений. Конфликт переносится в некую монолитную ценностную ситуацию и оказывается еще более не разрешим. Признавая право на свободу чувства за своим возлюбленным, героиня, отстаивая собственное право на такое же чувство, видит лишь один выход — смерть.

Но все же история не заканчивается чудесным спасением Мильцы. Младень обещает обеспечить ее будущее: «будешь спать на мягких постелях, под собольими покровами!»¹⁴.

Совершенно непонятным образом через некоторое время читатель вновь встречает Мильцу. Но теперь она оказывается «не в том уже положении»¹⁵: она — жена некоего Саввы Ивича — одного из представителей рода Пута-Заревых, ироническим подвигом которого в романе отводится добрая половина повествования. Весь род Пута-Заревых — символ непроходимой обывательщины, чудесным образом выливающейся время от времени в сказочное донкихотство или шутовство. Мильца не только жена Саввы Ивича, она мать его сына. Впрочем, последнее не столь уж и очевидно вытекает из повествования. Вельтман всячески старается запутать читателя в хитросплетениях судеб героев, и намеки на всевозможные «осложняющие» обстоятельства, скрытые отношения, на всяческие формы «незаконности» происхождения всех представителей «славного» рода — прием, широко использующийся им с этой целью.

¹² Вельтман А. Ф. Кошей бессмертный. Былина старого времени // Вельтман А. Ф. Романы. — М., 1985. — С. 97.

¹³ Там же. — С. 99.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Вельтман А. Ф. Там же. — С. 105.

Перемещение героя, явно романтического, в среду сугубо приземленную, лишенную всего возвышенного и яркого, могло говорить и об отношении к такому герою вообще. Найдя такой, принципиально невозможный для героя подобного типа выход из ситуации безвыходной, писатель тем самым уничтожает весь романтический драматизм ситуации. Но и этим еще не заканчивается история Мильцы и Младеня. Дальше происходит нечто уж совсем невероятное. Появляется израненный, весь в крови, Младень, которого прекрасная гречанка предала, и бросается в объятия Мильцы. Мильца и Младень умирают в объятиях друг друга, появляющийся Савва Ивич скорбит о смерти жены, совершенно игнорируя несколько необычные обстоятельства этой смерти.

Такое странное обращение с традиционно-романтическим сюжетом вызывает некоторое недоумение. В плане развития романного действия, однако, это может быть довольно легко объяснено. Сын Мильцы и Младеня — очередной представитель рода Пута-Заревых, связанный с этим родом, как и все остальные, чисто номинально, выпадает из родового контекста, нарушает его. Ему и в действительности, а не только в мечтах не чужды пламенные порывы, искренние и глубокие чувства, и лишь в старости он, как и его «формальные» предки, впадает в «пута-заревщину», которая оказалась сильнее и голоса крови, и собственных желаний, и «высоких» задатков.

Это еще один аспект непобедимого «пута-заревского» мира, еще одна проверка его на прочность, которую он успешно выдерживает.

Но вполне допустим и другой подход к данному сюжету. Родившееся ранее и проявившееся в критических замечаниях «Воспоминаний» сомнение в жизненности конкретной литературной ситуации — ситуации пушкинских «Цыган».

Включаясь в романный сюжет, тема свободы и права на нее меняет свою направленность. Речь идет уже не о столкновении свободы и индивидуализма, а о столкновении романтически понятой свободы и жизни в ее приземленной реальности. Столкновении, при котором конфликт не может быть однозначным, он постоянно переходит из драматического в комический план, тем самым постоянно подвергается сомнению, и в конце концов предстает как совершенно не состоятельный, не возможный и бесцельный. Поскольку возвышенное в чистом виде, «вмешиваясь» в земное, не может не только устоять, но и, погибая, хоть как-то повлиять на окружающее — оно остается просто незамеченным, как остается незамеченным романтический герой Младень мужем Мильцы. Пута-Заревы потому и оказываются столь живучи, что умеют не замечать того, что может разрушить их мир, умеют не допустить присутствия иной, не их точки зрения, иной шкалы ценностей.

Таким образом, выстраивается довольно последовательная линия-осмысления Велтманом пушкинских героев: от сомнения в их жизненности, от оценки их как плода поэтического вдохновения,

до переработки самого конфликта поэмы в нечто ему противоположное в «Кошечье бессмертном».

То, что вельтмановская интерпретация ситуации пушкинской поэмы довольно далека от оригинала в смысле «исходных данных», в этом случае тоже объяснимо. Повторение уже созданного, уже воплощенного было совершенно не в духе Вельтмана-писателя. Он не мог «вжиться» в иной художественный мир. Поэтому его метод заключался в другом — довести начатое, намеченное до того финала, который самому Вельтману представлялся наиболее вероятным и естественным. Часто он грешил подобным подходом в отношении даже абсолютно достоверных или решительно недостоверных исторических фактов. Последнее ярко проявилось и в его научных трудах, и в его исторических романах. Красивая, неожиданная, эффектная гипотеза всегда имела для него непреодолимую притягательность. И, находясь под ее властью, он уже не мог смутиться при столкновении с фактами, очевидно, противоречащими исходным его посылкам.

В этом плане интересен и еще один продукт «продолжения» Пушкина — вельтмановский план окончания «Русалки». Вскоре после издания «Русским архивом» в 1897 г. «полного издания» пушкинской «Русалки» по современной записи Д. П. Зуева, 27 марта 1897 г. на очередном заседании Общества любителей словесности при Московском университете был прочитан доклад С. Долгова «А. Ф. Вельтман и его план окончания «Русалки» Пушкина». Тогда же он был издан отдельной брошюрой. Автор рассмотрел хранившиеся в бумагах Вельтмана план и некоторые наброски продолжения «Русалки». Вывод, к которому приходит С. Долгов, характерен. Сравнивая вариант продолжения поэмы Вельтмана с вариантом, выдававшимся Зуевым за пушкинский, он отмечал: «План далек от естественного развития предшествующих, изложенных в драме Пушкина, событий; действие запутано, осложнено побочными эпизодами, без нужды увеличивающими трагическую развязку гибелью неповинных существ» и т. д.¹⁶

Действительно, трудно найти что-то «пушкинское» в набросках Вельтмана. Но, в отличие от Зуева, он и не собирался выдавать свой вариант за авторский, или навеянный автором. Он продолжал по-своему, совершенно переиначивая ситуацию, характеры героев и т. д. Трудно судить по черновому наброску, во что этот план мог бы вылиться. В данном случае важно, что и на этот раз Вельтман остался верен своей манере «общаться» с Пушкиным.

Думается, что план продолжения «Русалки» развивает все ту же линию скрытой творческой полемики Вельтмана с Пушкиным. Полемики, в основе которой лежало отчасти, конечно, значительное понимание пушкинского творчества, но в которой проявился и совершенно оригинальный взгляд на мир и человека одного из

¹⁶ Долгов С. А. Ф. Вельтман и его план окончания «Русалки» Пушкина. — М., 1897. — С. 13.

самых «странных» писателей 30—50-х гг. XIX в. Несомненно, что при изучении восприятия творчества Пушкина современниками должен быть учтен и он. Постоянный интерес к личности Пушкина, его творчеству выразился во многочисленных, далеко не полностью выявленных, очень необычных, «пушкинских» страницах повестей, романов, воспоминаний А. Ф. Вельтмана¹⁷.

¹⁷ Некоторые моменты взаимоотношений Пушкина и Вельтмана и отражение их в творчестве последнего рассмотрены в статье: Саламова Л. Б. А. С. Пушкин и его бессарабский друг // Болдинские чтения. — Горький: Волго-Вятское кн. изд., 1982. — С. 177—186.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЙМИНА

Псков 1991